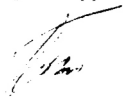

На правах рукописи

Путилин Александр Иванович

Социальные функции обыденного сознания

09.00.11 – социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Ростов-на-Дону–2009

**Диссертация выполнена в Технологическом институте
Южного федерального университета в г. Таганроге**

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Богданов Владимир Владимирович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Малицкий Валентин Семенович

доктор философских наук, профессор
Пигулевский Игорь Олегович

Ведущая организация: **Южно-Российский государственный
технический университет (НПИ)**

Защита состоится «11» февраля 2009 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета Д.212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-н/Д, ул. Пушкинская, 160, ауд. 34.)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южного федерального университета (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская. 148).

Автореферат разослан «30» января, 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000440332

Ученый секретарь
диссертационного совета

Маринов М.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование проблемы сознания, его индивидуального и общественного измерения традиционно для всей истории философской мысли. Модернизационные и интеграционные процессы, происходящие в современном обществе, начиная со второй половины XX в, естественным образом отразились как на всём общественном сознании, так и на тех формах, которые специализируются на его познании. Справедливо полагая, что знание закономерностей и функций индивидуального и общественного сознания является одним из весомых оснований для предсказуемого и контролируемого развития общества в целом, исследователи сосредотачивают свои усилия на выработке эффективных методов-технологий в междисциплинарных исследованиях общественного сознания, надеясь на получение синергетического эффекта. В этой ситуации многократно возрастает роль социальной философии, которая интегрирует и коррелирует эти исследования. Методологический «азарт» специалистов различных отраслей обществознания своевременно возвращается исследователями социальной философии в русло онтологической укоренённости общественной проблематики, социально-культурной обусловленности, категориальной точности и эвристичности. Недооценка же названных факторов в междисциплинарных исследованиях общества является общим местом.

Работы по социальной проблематике демонстрируют скорее готовность выявлять особенности тех или иных форм общественного сознания, чем определиться с онтологией, необходимыми предикатами, доминантами и детерминантами самого общественного сознания. Еще реже можно встретить сравнение общественного и индивидуального сознания, тем более фрагментарен анализ необходимых моментов архитектоники того и другого. Неявно исследователями ставится под вопрос сама правомерность употребления категории общественного сознания. Нередко её элиминация связана с заменой категорией «культура» и редукцией к индивидуальному сознанию, его простому сложению. Практически не разработано понятие обыденного сознания. Учитывая стремительный рост потребности учёта специфики обыденного сознания, его атрибутивных свойств и экзистенциальных характеристик, границ и возможностей его манипулированием, его социальных функций, актуальность исследования его, как в рамках специальных обществоведческих дисциплин, так и в рамках современной социальной философии представляется очевидной.

Понятие обыденного сознания, в отличие от проблемы, им выражаемой, несмотря на регулярное употребление исследователями, отсутствует в качестве специальной категории практически во всех отечественных словарях и энциклопедиях. Вероятно, понятие «обыденное сознание» большинством исследователей по умолчанию считается самоочевидным, так как ничем другим нельзя объяснить столь очевидное «искивание» к этому термину. Традиционна и область применения понятия «обыденное сознание».

отечественными исследователями – специализированные науки об обществе и социальная философия. Очевидной является и традиция рассматривать обыденное сознание на нижнем, эвристическом уровне в вертикально-иерархической проекции. Но это едва ли не все конвенции отечественной диалектико-материалистической традиции в социальной философии в отношении обыденного сознания.

В энциклопедиях, базирующихся на традициях исторического и диалектического материализма, отчасти этот пробел компенсировался термином «здравый смысл». И хотя авторы словарных статей не брали на себя ответственность однозначно отождествлять понятия «обыденное сознание» и «здравый смысл», тем не менее, употребляли их через запятую, используя сходные предикаты, что не согласуется ни с требованием «бритвы Оккама», ни со смыслом понятий. Учитывая устойчивую потребность в использовании этого термина, «неопределенность» теоретического конструкта «обыденное сознание» должна быть преодолена.

В социальных исследованиях и учебных пособиях, где объектом рассмотрения является общество, понятие «обыденное сознание» используется регулярно. Как правило, оно традиционно в контексте социальной философии, несколько реже встречается в гносеологии. Общепринятой является известная гегелевско-марксистская традиция истолкования обыденного сознания как «нижнего уровня общественного сознания». Высшим уровнем на этой шкале признается научно-теоретический¹. Обыденное сознание в этой традиции эвристично уже тем, что наиболее выпукло обнаруживает фундаментальные интересы социальных групп, классов. Затем, в силу своей неразвитости оно, по общему согласию авторов, подлежало активному преобразованию путем его рационализации и целенаправленной идеологической обработки с позиций прогрессивного научно-теоретического уровня (А. Хеллер, А. Печчеи, В.А. Лефевр)². Проблема состояла лишь в том, что трудно было найти субъекта, который бы смог «снять», преодолеть дилетантизм обыденного сознания хотя бы в большинстве сфер своей деятельности. В связи с усиливающейся тенденцией к узкой специализации теоретическое сознание в значительно большей степени, чем обыденное сознание теряло способность к социальной адаптации.

Вывод о необходимости детального анализа обыденного сознания обусловлен еще и тем, что в большинстве случаев в рамках одного исследования авторы используют понятие обыденного (сознания) в разных соотношениях и контекстах, соответственно, и эвристическая ценность в зависимости от дисциплины и смысловой пары не одинаковая. Ведь

¹ Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840с.

² Heller, A. The Sociology of Everyday Life in U. Himmelstrand, ed. The Social Reproduction of Organization and Culture, London, Beverly Hills, New Delhi: Sage Publications, 1987, P.150-164.; Печчеи, А. Человеческие качества. - М., «Прогресс», 1985. - 312 с.; Lefebvre H. A. Algebra of conscience. A comparative analysis of western and Soviet ethical systems // Theory and decision library. V. 26. Dordrecht, 1982.

представляется вполне очевидным, что обыденное (как обычное, будничное) в противопоставлении редкому и праздничному имеет очень определенную область применения и не совпадает ни с противопоставлением обыденного как типичного в отношении редкого, экстремального, патологического (в идеале оправдано разведение даже этих определений), ни с противопоставлением профанного и сакрального. Та или иная смысловая пара оказывается эвристически оправданной, методологически продуктивной, например, в исторической антропологии и культурологии, и менее эффективной в социальной философии, и наоборот. В связи с этим, в диссертационном исследовании предполагается сосредоточить внимание на смысловых оппозициях, имеющих высокую эвристическую ценность именно в рамках социальной философии, обособив другие смысловые пары областью их продуктивного применения.

В работе меняется акцент исследования и получаемые результаты в зависимости от основания, по которому проводится различие обыденного сознания в отношении необыденного. Обыденное может выделяться как по тому содержанию, которое присутствует в мышлении (по принципу всеупотребимости), так и по форме, этапу, способу освоения любого материала, месту в архитектонике мыслительных способностей.

Вполне самоценной представляется и аксиологическая составляющая исследования обыденного сознания: исследуется ли оно с позиции «сильных» и «слабых» сторон современного состояния обыденного сознания в связи с имеющимися в обществе кардинальными изменениями бытия на предмет возможности влияния на него (обычно описание ситуаций манипулирования обыденным сознанием); или ставится проблема о возможном изменении фундаментальной метафизической установки (космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм) во всех формах общественного сознания и соответствующей трансформации обыденного сознания. Последний аспект представляет особый интерес в связи с констатацией (возможно преждевременной) возникновения общества качественно нового типа – постиндустриального, информационного, антропогенного и т.д.

Степень научной разработанности темы. Термин «обыденное сознание» достаточно поздно вошёл в обиход социально-философских исследований, его категориальная разработанность не отличается строгостью и обоснованностью. При этом проблемы, которые оно отражает, являются вполне традиционными для большинства направлений и этапов философской мысли. Отсутствуют обобщающие исследования проблемы и понятия обыденного сознания.

В работах А. Хеллер, А. Печчеи, В.А. Лефевра, А. Грамши обыденное сознание чаще всего рассматривалось как внешняя форма проявления, в

¹ Gramsci, A. *Philosophy, Common Sense, Language and Folklore* // *The Antonio Gramsci Reader: Selected Writings 1916-1935*, by Antonio Gramsci, David Forgacs, and Eric J. Hobsbawm, 2000. P.323—362

основе которой лежит подлинная субстанциальная реальность: будь то производительные силы, способ производства (экономический «базис») марксизма, фундаментальные структуры в функционализме, критическая идеология представителей Франкфуртской школы неокантианства, бессознательное в психоаналитической традиции. Из этого подхода следовала необходимость регулярно соотносить обыденное сознание с прообразом, верифицировать его истинность. Общим недостатком историко-материалистического подхода в работах М. Ковальзона, В. Келле⁴, помимо активно критикуемого доминирования идеологической предопределенности выводов⁵, является отсутствие всеобщности в выводах авторов, о чём свидетельствует тот факт, что не всегда один и тот же базис, социальная структура или особенность формирования психики приводят к появлению одних и тех же форм обыденного сознания. Что тем не менее не исключает вполне очевидного рассмотрения перечисленных факторов как необходимых, но недостаточных условий и предпосылок формирования и трансформации общественного сознания, которые вполне эффективно взаимодействуют с другими факторами.

«Псевдомышлением» именовал обыденное сознание Э. Фромм. Его аргумент сводился к тому, что обыденное сознание людей большую часть информации воспринимает без анализа, некритически, а по прошествии некоторого времени наивно, но абсолютно убежденно, воспроизводит ее уже как свое собственное мнение⁶. Человек действительно всегда застает культуру уже существующей, однако нельзя не учитывать творчески-преобразующей деятельности субъекта. Кроме того, автор, очевидно, переносит особенности индивидуальной психологии на обыденное сознание как форму общественного сознания, которое, как известно, уже благодаря И. Канту, является не конституирующим объектом, а регулятивным, так как опирается на идеи разума. Нормы обыденного сознания воспроизводят в первую очередь не содержание, а форму запрета.

С конца 70-х г. XX в. обыденное сознание активно изучается отечественной исторической психологией в рамках эволюции человеческой ментальности как фактор, задающий направление глобальной эволюции (В.Ф. Петренко, Н. Моисеев, А.П. Назаретян, Э. Янч, Д. Кристиан)⁷. В

⁴ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Структура общественного сознания. – М.: Политиздат, 1964. – 226с.

⁵ Кара-Мурза С.Г. Официальное советское обществоведение и незнание общества, в котором мы живем // Электронный учебник. - (http://rushistory.stsland.ru/Books/Book_24.html)

⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. – 256 с.

⁷ Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 208с.; Моисеев, Н.Н. Современный рационализм – М.: МГВП КОКС, 1995. – 376 с.; Назаретян, А. П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. - 1997. - № 2. - С. 91 - 98. - Библиогр. С.97 - 98; Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М.: Прогресс, 1974. - 586с.; Кристиан Д. К обоснованию Большой (Универсальной) истории // Общественные науки и современность. - 2001. - № 2. - С. 137 - 146. - Библиогр. С. 145 - 146

психологии чаще всего термин «обыденное сознание» заменялся понятием «практическое мышление», однако, предикаты и акценты С.Л. Рубинштейном, О. Липманом, Х. Богеном⁸ употреблялись идентично традиции исторического материализма с той же расширительной оценкой влияния технико-экономических факторов.

Обыденное сознание рассматривают и как собственный объект социальной психологии. Обращаясь к рассмотрению менталитета, говоря о массовом сознании и влиянии на него, И.Г. Дубов считает необходимым исследование психологических феноменов массового сознания, фактически признавая его предметом психологии: «Необходимость психологического изучения менталитета различных социальных слоев и этноса в целом является для нашей страны насущной потребностью. ... Любая деятельность, связанная с воздействием на массовое сознание, будь то коммерческая реклама, политический маркетинг, снятие межнациональной напряженности или организация народного образования, нуждается в точном знании специфического для данной культуры содержания указанных выше психологических феноменов»⁹.

В контексте взаимодополнительности биологического и социального в психическом развитии вели анализ психологической структуры и предприняли попытку выявить сущность обыденного сознания А.Г. Асмолов, Б.Г. Ананьев, А.В. Петровский, Б.Ф. Ломов; деятельностный подход в анализе обыденного сознания осуществили Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.А. Абульханова-Славская и др.; психосемантический подход к изучению обыденного сознания применяли А.Г. Шмелев, В.Ф. Петренко, А.Р. Лурия.¹⁰ Выводы исследователей ограничивались преимущественной характеристикой обыденного сознания как практически ориентированного, образного, гносеологически несостоятельного.

⁸ Панкратов А.В. Практическое и обыденное мышление: полиопосредованность, субъективность и стратегичность. [Текст]: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. псих. наук. / А.В. Панкратов - Ярославль, 2003. - 28с.;

⁹ Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. - С. 28

¹⁰ Асмолов, А.Г. Деятельность и установка. - М.: МГУ, 1979. - 144 с.; Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. - М.: Наука, 2001. - 279 с.; Петровский, А.В. К психологии активности личности // Вопросы психологии. - 1975. - № 3. С. 26-38.; Ломов, Б.Ф. Об исследовании законов психики. // Психологический журнал. 1982, - № 1. - С. 18-30.; Выготский, Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. в 6 тт. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 2. - 504 с.; Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: АН СССР, 1958. - 152 с.; Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 302 с.; Абульханова-Славская, К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Социальная психология в трудах отечественных психологов - СПб.: Питер. - 2000. - С. 289-314.; Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во Моск. Ун-та. - 1983. - 180 с.; Петренко, В.Ф. Психосемантика сознания. - М.: Изд-во МГУ. 1988. - 208с.; Лурия, А.Р. Язык и сознание - Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998. - 416с

Однако делать выводы о субстанциальности обыденного сознания на основании изученных аргументов представляется преждевременным, так как до сих пор не ясна эвристическая ценность противопоставления обыденного сознания по рефлексивной паре категорий «субстанциальное – акцидентальное». В связи с чем представляется необходимым в значительной степени отвлечься от вертикального гносеологического аспекта и обратить внимание на горизонтальную онтологическую плоскость, в которой сосуществуют не уровни, а определенные стратегии, интенции, «силы» общественного сознания. Этот концептуальный подход, который получает дальнейшую разработку в диссертационном исследовании, предложен В.В. Богдановым.¹¹

Существенное внимание обращается в диссертационном исследовании на смысловые оппозиции, по отношению к которым рассматривается обыденное сознание. Противопоставлению одной из самых популярных у исследователей категориальных пар «профанного» и «сакрального» посвящено большое количество трудов, ставших классическими: М. Элиаде, Б. Вальденфельс, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Л. Леви-Брюль, Р. Кайуа¹² и др. Данная смысловая пара оказывается эвристически оправданной, методологически более продуктивной в исторической антропологии и культурологии и малоэффективной в социальной философии, и наоборот. Так, очень часто, благодаря известной традиции (феноменологии Э. Гуссерля, социальной феноменологии А. Шюца, социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана)¹³ понятие «обыденное сознание», по сути, отождествляли с понятиями «жизненный мир» и «повседневность». (Что, впрочем, имело и многих критиков с разных позиций: Р. Леффлер, Н.В. Мотрошилова)¹⁴. Но если очевидна методологическая ценность исследования обыденного как повседневного, например, в историческом

¹¹ *Богданов В.В.* Экзистенциальный характер обыденного сознания человека в информационную эпоху. Таганрог: Издательство ТТИ ЮФУ, 2007. – С.113

¹² *Элиаде М.* Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.; *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос, Вып. 1, – М.: Прогресс, 1991. – С. 39–50; *Дюркгейм, Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М., 1998. С.174–231; *Парсонс, Т.* Современный взгляд на дюркгеймову теорию религии // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 170 – 190.; *Леви-Брюль, Л.* Первобытное мышление. Психология мышления. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 220с.; *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное – М.: ОГИ, 2003. – 296с.

¹³ *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Философия как строгая наука. – Новочеркасск. Изд: Агентство Сагуна, 1994. Гл. 1. – С.66 – 94.; *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социс. Вып 2. – М.: Наука, 1988. – С.129 – 137. *Бергер П.* Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. М.: Наука, 1994. Ч.1. – С.212 – 229.

¹⁴ *Касавин И. Т.* Анализ повседневности. – М.: Канон+, Рос. акад. наук. Ин-т философии. – 2004. – 430 с.

исследовании школы «Анналов» (М. Блок, Ж. Ле Гофф)¹⁵, культурологическом исследовании Ф. Арьеса, Й. Хейзинга, Ф. Броделя, Л. Стоуна, Ж. Дюби¹⁶, социологическом исследовании А. Лефевра¹⁷, то в философском исследовании общества приоритетными являются не особенные, а всеобщие моменты общественного сознания. Поэтому не всегда представляется уместным прямое копирование продуктивной в специальных областях методологии и перенесение их на почву философии, как это часто наблюдается англо-американской традиции¹⁸.

В связи с этим проблемное поле может быть ограничено анализом эвристической ценности преимущественно двух оппозиций: обыденное - научно-теоретическое и обыденное – рефлексивное. Анализ именно этих пар категорий и позволил получить вполне обоснованные положительные выводы о природе и социальных функциях обыденного сознания.

Кроме того, необходимо отметить, что имеющаяся сейчас традиция исследовать обыденное сознание в контексте «образа жизни»¹⁹ и его «типичных» черт, выявлять экзистенциальные характеристики обыденного сознания²⁰ представляет повышенный интерес в контексте изменения социальных условий и развития информационных технологий. При этом, однако, обращается внимание на то, что вполне очевидная и оправданная

¹⁵ Блок М. Феодальное общество // Сочинения в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковы, 2003. – 504 с.; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого – М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. – 440 с.

¹⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти – М.: Прогресс - Академия, 1992. – 528 с.; Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Структуры повседневности. Возможное и невозможное // Собр. соч.: в 3 томах. Т. 1. Изд.: Весь мир, 2007. – 592 с.; Stone, L. The Revival of Narrative: Reflections on a new old history // Past and Present. Vol. 85. 1979. – P. 3 – 24.; Дюби Ж. Европа в Средние века. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 316 с.

¹⁷ Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение Том 6. № 3.

2007. – С.33 – 36; Lefebvre. H. Critique of everyday life (Vol. 1). published by Verso. 1991. – 282 pp.; Lefebvre. H. Critique of everyday life (Vol. 2). published by Verso. 2002. – 378 pp.; Lefebvre. H. Critique of everyday life (Vol. 3). published by Verso. 2008. – 180 pp.; Lefebvre, H. Everyday Life in the Modern World. London: Transaction Publishers. 1994 – 206 pp.

¹⁸ Thrangu K. R. Everyday Consciousness and Primordial Awareness // Publisher: Snow Lion Publications; Reprint edition. 2007. – 128 p.; Thrangu K. R. Everyday Consciousness and Buddha-Awakening // The Journal of Asian Studies, Vol. 62, No. 2 (May, 2003), pp. 679-680 doi:10.2307/3096321; Colin W. Everyday Consciousness is a Liar. London: Hutchinson 1966. Reprint (Harrap 1985); Edwards D. Unconscious Influences on Discourses About Consciousness: Ideology, State-Specific Science and Unformulated Experience // Indo-Pacific Journal of Phenomenology. Volume 5, Edition 1 April 2005. – P. 1- 20; Mavratsas C. V. National Identity and Consciousness in Everyday Life: Towards a Sociology of Knowledge of Greek-Cypriot Nationalism // Nations and Nationalism, Volume 5, N 1, Publisher: Blackwell Publishing, 1999, – pp. 91-104(14)

¹⁹ Орлова, Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни. – М.: ГАСК. 2002. – 104 с.

²⁰ Золотухина-Аболина, Е.В. Философия обыденной жизни. Экзистенциальные проблемы. – Ростов-на-Дону: Феникс. ЛРНЦ Феникс, 1994. – 139 с.

постановка проблемы требует более детального разведения как по предметному полю²¹ (большинство экзистенциальных характеристик относится к философской или культурной антропологии²², социальной психологии²³, этике и культурологии, а не к характеристикам обыденного как особенности общественного сознания), так и по методологии²⁴, являющейся в некоторых из этих исследований²⁵ преимущественно особенной, эмпирической. Ещё одним характерным штрихом к последним отечественным разработкам обыденного сознания является тот факт, что подавляющее их большинство проходит по категории учебных и методических пособий.

Появляющиеся новейшие диссертационные исследования обыденного сознания в рамках социальной философии имеют две ярко выраженные тенденции: понятие обыденного сознания в них берется без дополнительного обоснования в традиции исторического материализма как низший уровень (что дополнительно свидетельствует о необходимости представленного исследования) и в контексте описания взаимодействия обыденного сознания с одной из форм общественного сознания²⁶, что свидетельствует лишь о безграничности феноменов обыденного сознания в формах культуры, но не о компаративном эвристическом и аксиологическом анализе концептуальных подходов, и тем более не о возможности их интеграции на основе простого перечисления. В данной диссертации используется подход к проблеме обыденного сознания В.В. Богданова, в рамках которого этот теоретический конструкт рассматривается в горизонтально-онтологической плоскости²⁷.

Цель исследования — определение сущностных, онтологических характеристик обыденного сознания, его социальных функций и возможность их учета в условиях стремительной трансформации современного общества. Цель и задачи исследования следуют из анализа

²¹ Вальденфельс Б. Указ. соч. С. 39-50

²² Верещагина Г. Н. Проблема человека: экзистенциально-антропологический анализ : [Текст]: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук / Верещагина Г. Н. – М., Ставрополь, 2005. – 32 с

²³ Breisach E. Introduction to Modern Existentialism. New York, 1962, p. 220

²⁴ Сухачев В. Ю. Тематическое и нетематизируемое в аналитике Lebenswelt // Очерки по феноменологической философии: сб. науч. работ. — Санкт-Петербург: Изд. СПбГУ, 1997, – С. 111–130.

²⁵ Сергодеева Е. И. Изменение структур повседневности в процессе адаптации к ситуации глобализации // Проблемы адаптации к процессам глобализации: страховый, общенациональный и глобальный уровни: сб. науч. работ. – Невинномысск, НГГТИ. 2006. С. 15 – 26

²⁶ Никитина, И. В. Закономерности взаимодействия обыденного сознания и искусства как основания социокультурной системы [Текст]: автореф. на соискание уч. ст. докт. филос. наук : спец. 09.00.11 / И. В. Никитина; Алтайский государственный университет; науч. конс. В. А. Ельчанинов - Барнаул, 2006. – 32 с.; Швецова Н. А. Феномен харизмы в общественном сознании. [Текст]: автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филос. наук / Н. А. Швецова - Пермь: ПГУ, 2007. – 29с.

²⁷ Богданов, В. В. Указ. соч. С. 90

наличного состояния разработанности темы. Основная цель представляет собой постановку и решение следующих исследовательских задач:

- выявить содержательное наполнение и необходимые предикаты понятия обыденного сознания в истории философских исследований объективных форм духа;

- определить место обыденного сознания в архитектонике мыслительных способностей, его онтологический статус, отношение к часто употребляемым в качестве близких по смыслу понятиям здравого смысла, менталитета и т.д.;

- рассмотреть смысловые оппозиции, в которых употребляется понятие обыденного сознания, их эвристическую ценность и вытекающую отсюда сферу применения;

- обосновать необходимость преимущественного обращения в контексте социально-философского исследования к изучению категориальной пары «обыденное – рефлексивное» Исследовать диалектическую взаимообусловленность обыденного и рефлексивного;

- определить социальные функции обыденного сознания, вытекающие из его необходимых и достаточных предикатов;

- выявить социальные институты, преимущественно осуществляющие те или иные социальные функции обыденного сознания, а также проанализировать возможность учёта социальных функций обыденного сознания в условиях стремительной трансформации современного общества.

Объект исследования – обыденное сознание как атрибутивная характеристика любой формы общественного сознания.

Предмет исследования – социальные характеристики обыденного сознания.

Методологические основы исследования. Социально-философское исследование принципиально опирается на диалектическую позицию, согласно которой метод «вытекает», «диктуется» содержанием. В связи с этим представляется некорректным в исследовании социально-философской проблематики внешним образом «накладывать» на всеобщее содержание особенные специализированные методы социологии и других обществоведческих дисциплин. Анализ генезиса и становления понятия обыденного сознания с необходимостью предполагает диалектическое единство исторического и логического подходов. Однако это не только не исключает, но и предполагает использование синергического эффекта междисциплинарных импликаций, сравнительных конкретно-исторических, культурологических, антропологических методов и подходов в тех случаях, когда требуется проверка выдвигаемой гипотезы или демонстрация ее социокультурных феноменов и следствий.

Отсутствие в истории становления понятия и проблемы обыденного сознания устойчивых конвенций представителями разных философских направлений и сколько-нибудь очевидного поступательно-прогрессивного развития не позволяет выявить диалектического снятия исследователями предшествующих интерпретаций, что дает возможность применять

преимущественно компаративистский анализ в соответствии с предметным полем рассмотрения.

Данное исследование позволяет фиксировать синхронные соответствия (в контексте исследования истории понятий Г. Гадамера) и диахронные последовательности (в контексте исследования истории проблем) интерпретаций понятия обыденного сознания и их эвристической ценности в связи с господствующей фундаментальной метафизической установкой и социально-исторической, культурной ситуацией, по возможности экстраполируя их на современность. В ситуации плюрализма категориальных интерпретаций критерием выделения того или иного смыслового наполнения избрана эвристическая ценность понятия в рамках философской концепции. Функциональное назначение понятия обыденного сознания в определенной традиции соответственно предполагает герменевтическое истолкование смысловых полей.

Наличие множественности смысловых оппозиций, в которых используется понятие обыденного сознания, предполагает на основе анализа проблемы и понятия выделить приоритетные области, в которых исследуемое понятие оказывается функциональным. Переход от выделенного в исследовании эвристического смысла понятия обыденного сознания позволяет обратиться к проблеме, им обозначаемой на основе феноменологического анализа индивидуального и общественного сознания. Трансцендентальный метод позволил выявить исходные предпосылки активности обыденного сознания и его установки, разработанный в психологии деятельностный подход основные интенции и динамику обыденного сознания. Результаты культурологических, конкретно-социологических и политологических исследований позволили зафиксировать социальные институты, в которых реализуются социальные функции обыденного сознания.

В целом в диссертационном исследовании применяется комплексный, междисциплинарный, системно-методологический, проблемно-понятийный подходы в полном соответствии с общенаучными и логическими методами.

Научная новизна исследования состоит в осмыслении понятия и проблемы обыденного сознания, что выражается в следующих результатах:

- выявлены содержательное наполнение и необходимые предикаты понятия обыденного сознания в истории классических и постклассических философских исследований объективных форм духа, в культурологических и социологических контекстах, а также отношение к часто употребляемым в качестве близких по смыслу понятиям здравого смысла, менталитета и т.д.;

- рассмотрены смысловые оппозиции, в которых употребляется понятие обыденного сознания, их эвристическая ценность и вытекающая отсюда сфера эффективного применения. Рассмотрена связь понятия обыденного сознания с другими, близкими и сопоставимыми с ним понятиями; выявлены сходство и различие подходов к этой категории в различных концепциях. Исследованы генезис понятия и проблемы обыденного сознания, его источники и предпосылки, выявлена историческая и логическая

необходимость рассматриваемой категории в рамках историко-культурных традиций;

- обоснована необходимость обращения в контексте социально-философского исследования к изучению категориальной пары «обыденное – рефлексивное». Исследована диалектическая взаимообусловленность обыденного и рефлексивного как двух противоположно направленных интенций, стратегий и «сил» для форм общественного сознания. Обоснована гипотеза о том, что в переходные и кризисные периоды состояние общественного сознания приобретает известные «центробежные» и революционаристские черты в связи с приближением к «критической массе» роста, «удвоения» рефлексивной стратегии за счёт трансформации части обыденной стратегии сознания в свою противоположность.

- определено место обыденного сознания в архитектонике мыслительных способностей и его онтологический статус. Обоснована необходимая связь между понятиями обыденного сознания и габитуса, а также обоснована возможность рассмотрения концепта «габитус» в качестве доминирующего социального ядра обыденного сознания;

- определены социальные функции обыденного сознания, вытекающие из его необходимых и достаточных предикатов;

- выявлены социальные институты, преимущественно осуществляющие те или иные социальные функции обыденного сознания, а также проанализирована возможность учета социальных функций обыденного сознания в условиях стремительной трансформации современного общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Повышенный интерес к исследованию обыденного сознания возникает как необходимый результат ориентации общественного сознания на субъект-объектную антропоцентрическую установку, в рамках которой социальная реальность в значительной степени конструируется в сознании её обычного носителя.

2. Холистский онтологический приоритет общественного сознания над относительной суверенностью индивидуального сознания и принципиально внеличностный характер габитуса и формируемого им менталитета, являются той методологической эвристически оправданной предпосылкой, на основании которой только и возможно обосновать теоретический конструкт – обыденное сознание.

3. Обыденное сознание эвристически оправданно рассматривать не в гносеологическом вертикально-иерархическом измерении, а в горизонтальной онтологической плоскости, где сосуществуют не уровни, а определенные стратегии, интенции, «силы» в любой форме общественного сознания. Обыденная и рефлексивная стратегии, относительно уравновешивающие друг друга в любой форме общественного осознания в периоды стабильности, могут свидетельствовать о социальной дисгармонии в случае доминирования одной из них.

4. Основной социальной функцией обыденной интенции сознания в противоположность рефлексивной является его консервативно-сохранная

направленность, позволяющая транслировать традицию через институты образования и социализации. В исследовании выявлено, что форма запрета является специфической характеристикой обыденного сознания как всеобщей и необходимой интенции общественного сознания, в отличие от характеристик индивидуального сознания.

5. Стабилизационная и защитная функции обыденной стратегии реализуется в механизмах диверсификации социальных активов и верификации, эволюционной ассимиляции инноваций и воплощаются преимущественно в институте семьи, в преемственности и постепенной ротации власти, а также на психологическом уровне в периоды высокой динамики социальных процессов, информационной перегруженности – в выработке механизмов адаптации через формы игровой и художественной культуры.

6. Диалектическая и коммуникативная функции обыденной стратегии в противоположность рефлексии, которая на определенном этапе в принципе не нуждается в Другом, обнаруживаются в приоритете интересов целого, органического единства и в конечном итоге превращают вступающего в диалог индивида в социальное существо. Укорененность той или иной стратегии в определенной форме социальной организации свидетельствует о необходимой связи одних социальных институтов с другими, преимущественно реализующими противоположную стратегию. Тем самым, рассматривая диалектику понятия на примере обыденного сознания, мы осознанно и планомерно можем моделировать и изменять социальную реальность.

Научно-теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертации состоит в новых перспективах исследования обыденного сознания в контексте социальной онтологии, социальной антропологии и культурологии. Выводы диссертационного исследования позволяют в новом ракурсе рассмотреть такие проблемы социальной философии как соотношение общественного и индивидуального сознания, структурного взаимодействия социально значимых сфер и индивидуального сознания. Результаты анализа концептуальных установок обыденного сознания позволяют выделять принципы и критерии стабильности социальных систем и их эффективности. Значимость исследования заключается в разработке теоретических оснований для решения таких проблем как повышение социальной адаптации, выявления необходимых приоритетов для принятия политических и управленческих решений. Выводы, полученные в ходе проведенной работы, могут найти применение при изучении дисциплин социально-гуманитарного блока: социальной философии, культурологии, политологии, социологии, философской антропологии, а также при чтении специализированных курсов по философии сознания.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на региональных научных конференциях, на Международной конференции «Медиа как предмет философии» (16 – 17

ноября 2007 г. Санкт-Петербург), на 55-й конференции аспирантов и студентов ТТИ ЮФУ, на кафедре истории и философии Таганрогского технологического института ЮФУ. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в четырех публикациях автора (две из них в журналах, рекомендованных ВАК) общим объемом 2,8 п.л.

Структура диссертации состоит из введения, 2 глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы. Деление диссертации на две главы обусловлено логикой исследования и полученными результатами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель и основные задачи, теоретико-методологическая основа. Указываются элементы научной новизны и научно-практическая значимость работы, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту освещается апробация автором концептуальных положений диссертации.

В 1-й главе «**Концептуальные и методологические особенности исследования обыденного сознания**» проанализированы эволюция понятия и проблемы обыденного сознания, выявлены проблемное поле исследования, эвристическая ценность концептуальных подходов для различных областей философского знания, методологические особенности различных познавательных эвристик общественнознания, выделяющих обыденное сознание в качестве специальной категории, определен исторический и социокультурный контекст, в котором происходит значительная трансформация обыденного сознания, а в равной степени изменяется мотивация его исследования в рамках социально-философской проблематики.

В параграфе 1.1 «**Эволюция понятия и проблемы обыденного сознания**» на основе историко-философского анализа первоисточников обосновано присутствие двух традиций, одна из которых опирается на единую онтологию сознания и разные, но равнозначимые формы его проявления в любом особенном сознании, другая – настаивает на принципиальной иерархии и подчиненности мыслительных способностей. В рамках первой уклон общественного сознания в сторону той или иной формы свидетельствует об особенностях культурно-исторической парадигмы, ее уникальности и плюрализме форм идентификации и самореализации. В рамках второй актуальны конструирование общественного устройства в соответствии с более «прогрессивной» элитарной формой сознания и «исправление», коррекция иерархически подчиненной формы сознания.

Автор аргументирует познавательную установку, согласно которой не политика, этика и философия определяют установки, «просвещают» обыденное сознание, а наоборот, выдержавшие проверку временем идеалы, нормы и представления повседневного сознания, транслируемые через социализацию, лежат в основе теоретических конструкций философии, этики и политики любой эпохи.

Обосновано, что рост интереса к исследованиям обыденного сознания связан не только с прагматическим «социальным заказом» политических и экономических элит в связи с потребностью выявления возможностей манипулирования им. Но, что более важно в рамках социально-философского анализа, востребованность исследований обыденного сознания свидетельствует о смене гносеологической установки: позиция

исследователя общества лишается своего позитивистского «объективистского» положения «наблюдателя со стороны», якобы свободного от субъективной ангажированности, политических, идеологических и жизненных пристрастий.

В параграфе 1.2 «Проблемное поле исследования обыденного сознания» выявлены теоретические проблемы, возникающие в традиции истолкования обыденного сознания в вертикально-иерархической гносеологической плоскости, в рамках которой обыденное сознание рассматривается как низший, по сравнению с научно-теоретическим, уровень общественного сознания. Теоретической базой для вертикального выстраивания форм общественного сознания, очевидно, послужила диалектическая установка Г. Гегеля, предполагающая снятие одних форм сознания в других, более развитых. Однако сам Гегель использовал этот принцип в полном соответствии со своей системой преимущественно в отношении познавательной ценности форм сознания. Если же отойти от априорного признания абсолютной самоценности познания, что неоднократно допускал и сам немецкий философ, то утверждение о неперменном снятии одних форм в других уже не будет выглядеть универсальным. Более того, и в гносеологическом аспекте Гегель не был догматическим приверженцем снятия обыденного сознания.

В параграфе доказано, что в обыденном сознании с разной степенью интенсивности и глубины, но все же присутствуют те же формы и феномены, что и в научно-теоретическом. Однако, наряду с общими элементами, в научно-теоретическом мышлении отмечается форма, которая принципиально противоречит обыденному сознанию. Этой формой является рефлексия, которая не тождественна собственно научно-теоретическому мышлению. На анализе диалектики немецкого мыслителя показано, что более эвристично рассматривать обыденное сознание и рефлексию в качестве двух противоположно направленных моментов, стратегий и интенций одного и того же развитого сознания, к тому же пронизывающих друг друга. Выделение же отдельных аспектов обыденной и рефлексивной стратегий представляется особенно продуктивным тогда, когда происходит очевидный перекося в индивидуальном и общественном сознании в ту или иную сторону. Особую остроту такой перекося приобретает в общественном сознании, стратегии и формы деятельности которого институционализированы и ярко выражены в опредмеченных, объективированных продуктах.

В параграфе аргументируется позиция, согласно которой обыденное сознание вовсе не сводится к внеисторическому доверию, тому, что очевидно «здесь и теперь», достоверность обыденного сознания в равной степени базируется как на чувственной, так и на спекулятивной, как на рациональной, так и на внерациональной очевидности. Как и любая другая форма, обыденное сознание активно применяет защитные диверсификационные механизмы, мобильно переключается с одних механизмов на другие, столь же нетерпимо к «воинствующему» дилетантизму и состоянию

неопределенности и неустойчивости, в равной степени расположено как к теоретическому, так и практическому мышлению.

Обыденное сознание как особенная стратегия естественным образом содержит в себе всеобщие моменты сознания вообще, однако обнаруживая их в специфически свойственной ему форме и ориентации. Будучи абсолютным гарантом самоидентичности, непосредственности, т.е. всем тем, что гарантирует сохранность и прочность бытия самого сознания, оно закрепляет свои атрибуты в соответствующих формах, наименее расположенных к изменчивости (привычки, приметы, мифологемы, поговорки), и соответствующих консервативных институтах (семья, образование, нравственность). Однако в рамках той же диалектики как невозможно удержаться в рамках одного момента, абсолютизировать противоположность, так и обыденное сознание содержит в себе зародыш творческой эволюции, будучи в значительной степени пронизанным скептической рефлексией. Как отдельный человек, так и любое социальное образование рано или поздно в силу содержащегося в нем противоречия, стратегию устойчивости и самосохранения превращает в свою противоположность, в фактор саморазрушения, неустойчивости, направленности в другую крайность. Периоды преобладания рефлексивной стратегии во всех формах общественного сознания за счет пополнения естественной рефлексивной интенции общественного сознания обыденной установкой, часть которой трансформируется в рефлексивную раздвоенность, скепсис, центробежную «силу» в связи с явным разрушающим эффектом отживших традиций, очевидно, свидетельствуют о кризисных и переходных состояниях в обществе.

В заключение автор выделяет социальное основание, оправдывающее применение понятия обыденное сознание и его устойчивое доминантное ядро – габитус. Понятие «габитус» используется здесь в интерпретации Н.А. Шматко. Габитус является тем ядром обыденного сознания, которое не преодолевается субъектом. Именно благодаря ему человек не может выйти за рамки парадигмы своей эпохи, за рамки рациональности, аргументации и ценностных установок. С неотвратимостью генетического механизма сознание отдельного человека воспроизводит как стиль мышления, так и его имманентные формы. На основе этих форм креативный процесс изменяет содержание, продуцирует новые идеи, в том числе и разные новые формы, но делает это в рамках и на основе сознания, методов и ценностей своей эпохи.

В параграфе 1.3 «Социокультурный контекст исследования обыденного сознания» обыденное сознание рассмотрено в отношении социокультурных форм общественного сознания в их исторической эволюции. Автор отмечает, что холистская онтологическая установка в социальных исследованиях позволила констатировать приоритет общественного сознания над относительной суверенностью индивидуального сознания. Она представляется той методологической эвристически оправданной предпосылкой, на основании которой только и можно обосновать теоретический конструкт – обыденное сознание. И наоборот,

атомистическое представление об обществе и общественном сознании, как номеналистском объединении по общим признакам индивидуального бытия и сознания отдельных людей, вывело бы предпринятое исследование из сферы социальной философии к позитивному социологическому анализу.

Рассмотрение мифа как исторически первичной праформы обыденной и рефлексивной стратегий сознания в контексте принципа диалектического отрицания позволило оценить мифологию как снятую, подчиненную форму любой современной формы общественного и индивидуального сознания. Поэтому миф благополучно существует до сих пор, а интенсивность его использования зависит от возраста, развития и сферы применения для индивидуального сознания и от формы организации, управления, социализации и модернизации в сознании общественном. При этом миф не является собственной формой ни обыденной интенции общественного сознания, ни рефлексии.

В параграфе обосновано, что эстетическая форма, как непосредственно доступный способ рационализации опыта в обыденном сознании, позволила ему эффективно осваивать внешнюю окружающую среду путем включения независимого природного детерминизма в обиход человеческой жизнедеятельности, презентуемого в формах художественных образов и непосредственной гармонии, а также позволила рассматривать природу как органический момент социальности. С одной стороны, преобразование в сознании безразличных природных процессов в идеализированные, трансформированные образы человеческого представления, знаково-символические формы, а, с другой стороны, наделение природы антропоморфным содержанием, позволяли «оправдать» любые природные катаклизмы и рассматривать их как имеющее высокий смысл проявление «космоса». Но приветствовалось такое идеализированное, преобразованное восприятие мира не в связи с «недостаточной образованностью». Художественное преобразование мира предоставляло возможность сознанию людей находить в мире то, в чём они нуждались. Обыденная направленность сознания на устойчивость, надёжность, отсутствие раздвоенности, сохранение психического баланса находила те формы, которые могли гарантировать эти потребности и функции.

Отношение обыденного сознания и науки так же не рассматривается в диссертации как оппозиционное. Действительной оппозицией обыденному в научном познании выступают формы скепсиса, парадокса, незавершенности, которые в обыденной стратегии имеют место только в игровых практиках. Обыденное сознание, со своей стороны, регулярно ассимилировало достижения науки, активно формируя дисперсионную рациональную среду. Научное знание, в свою очередь, с необходимостью всегда использовало аппарат обыденного сознания. При этом влияние науки на коммуникативную и прагматически ориентационную способность обыденного сознания последовательно ослабевало.

Автор аргументирует неоправданность противопоставления обыденного сознания и философии. Обыденное сознание не чуждо всеобщности, скорее

наоборот, именно обыденное сознание чаще любой другой формы склонно возводить свой частный опыт во всеобщность, называя его «житейской мудростью», и, соответственно, более склонно стихийно философствовать. В этом непрофессиональном философствовании проявляется вполне оправданная стратегия локально систематизировать картину мира в соответствии с культурными, национальными, возрастными, профессиональными и прочими особенными тематизациями. Оно пытается сформировать участок представляемой, удерживаемой в сознании окружающей реальности, доступный пониманию, оправданию, пригодности для существования в нем в соответствии со своими ментальными способностями. Обыденная стратегия сознания создает целостный, локально систематизированный, внутренне дифференцированный и иерархизированный образ окружающей реальности, в котором оно может выжить, чувствовать себя относительно комфортно, уместно и обоснованно. Обыденная стратегия позволяет приспособиться к любым условиям с целью выживания, прочности, самоидентичности, т.е. быть свободным сознанием. Эту стратегию не могут изменить ни уровень образования, ни степень компетентности, ни классовая принадлежность. Такая философия чаще всего оказывается ограниченной, но в своих особенных пределах она всеобща и необходима.

В главе 2 «Проявления обыденной стратегии сознания в обществе» раскрыты основание, существенные характеристики обыденного сознания, определены место обыденного сознания в архитектонике мыслительных способностей и его онтологический статус, рассмотрены смысловые оппозиции, в которых употребляется понятие обыденного сознания, их эвристическая ценность и вытекающая отсюда сфера применения, дедуцированы социальные функции обыденного сознания, вытекающие из его необходимых и достаточных предикатов, выявлены социальные институты, преимущественно осуществляющие те или иные социальные функции обыденного сознания, проанализирована возможность учета социальных функций обыденного сознания в условиях стремительной трансформации современного общества.

В параграфе 2.1. «Основание обыденного сознания и его существенные характеристики» В параграфе рассматриваются существенные характеристики обыденного сознания, указывается различие обыденного и повседневного сознания. Автор делает вывод об активном использовании обыденным сознанием принципа «как если бы». Этот принцип придает реальный статус воображаемому для достижения практических целей.

В необходимых предикатах обыденного сознания как всеобщей и необходимой стратегии, интенции общественного сознания в отличие от характеристик индивидуального сознания обращается внимание на специфическую форму запрета. Обыденное сознание вполне компетентно чувствует себя в деятельности формирования смыслополагающих,

ценностно-нравственных ориентиров, которые и выполняют функцию систематизации всего частного опыта.

Автор обосновывает тезис о доминантном основании обыденного сознания концепта «габитус» французского социолога, философа и культуролога Пьера Бурдьё. Этот концепт помогает решить проблему взаимодействия общественного и индивидуального сознания. Габитус как доминирующее ядро обыденного сознания есть механизм социализации индивида и производства социальных практик через призму освоенных социальных отношений. Обыденное сознание есть интенция, момент общественного сознания противонаправленный рефлексивности, содержащий в себе ценностные и телеологические установки, направленные на устойчивость, сохранение, традицию, воспроизводство, коммуникацию, единство себя самого. Представление об усреднённой, типичной реальности, с которой имеют дело другие субъекты и в которой находятся объекты опыта, составляет существенное определение обыденного сознания. Доминирующим социальным ядром обыденного сознания является габитус и формируемый им менталитет. Со стороны способностей индивидуального субъекта обыденное сознание дифференцируется на: 1) трансцендентальный реализм как естественную установку чувственного сознания; 2) вовлечение (снятие опосредования) как механизм работы воображения (эффект зонда в психологии) и виртуальную дисперсионную среду, интериоризацию как процесс освоения схем производства социальных практик. Этот процесс не достигает дискурсивного и рефлексивного уровней²⁸; 3) (обыденное знание) – аналитическую дисперсионную среду, аналогии, стереотипы, ассоциации и метафоры как механизм работы эмпирического единства сознания; 4) доверие и запрет как механизм работы ценностно-коммуникативной сферы сознания. Обыденная интенция реализуется через социальные институты, которые актуализируют ее функции через форму запрета, регламентации, установления границ.

В параграфе 2.2 «Социальные функции обыденной стратегии сознания» обосновано, что обыденная и рефлексивная стратегии, относительно уравнивающие друг друга в любой форме общественного осознания в периоды стабильности, могут свидетельствовать о социальной дисгармонии в случае доминирования одной из них.

Основной социальной функцией обыденной интенции сознания в противоположность рефлексивной является его консервативно-сохранная направленность, позволяющая транслировать традицию через институты образования и социализации. Консервативный механизм обыденного сознания выполняет в культуре ту же функцию, что и механизм эволюционного сдерживания мутаций в целях сохранения всей популяции. Именно в этой особенности обыденного сознания, а не преимущественно злом умысла, представляется продуктивным видеть очень болезненный

²⁸ Шматко, Н.А. "Габитус" в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, Том 1. № 2. - С.64.

процесс признания инноваций в обществе, реформирования его базовых структур и идеологических позиций.

Обыденное сознание, принципиально направленное на устойчивость и самосохранение, нашло в религии универсальный способ овнешнения внутренних противоречий и, что не менее важно, общественное «тело» единомышленников, чувство причастности целому, значимому. В современной информационной среде, когда общественная связь выступает во все более опосредованной техническими средствами форме, когда атомаризация общества вызывает тревогу в обыденном сознании отдельного человека, религия уже не столько как форма общественного сознания, сколько как институт социальной поддержки выступает наиболее адекватной обыденной стратегии сознания и ее консерватизму. Когда политические идеологии и технологии пытаются увлечь сознание в разных направлениях, религия однозначно указывает на подлинность и прочность семьи, национальную укорененность и религиозную «незаброшенность в мир», лишь видимость одиночества, необходимость и возможность баланса индивидуального и общественного, и наличие смысла за кажущейся абсурдностью мира.

Стабилизационная и защитная функции обыденной стратегии реализуются в механизмах диверсификации социальных активов и верификации, выражаются эволюционной ассимиляцией инноваций и воплощаются преимущественно в институте семьи, в преемственности и постепенной ротации власти; на психологическом уровне в периоды высокой динамики социальных процессов, информационной перегруженности – в выработке механизмов адаптации через формы игровой и художественной культуры. Опираясь на позицию И. Канта, автор делает вывод о сглаживании обыденным сознанием любых теоретических коллизий, используя принцип «als ob - как если бы».

Стабилизирующая функция обыденного сознания проявляется в постоянном волевом возвращении общественной системы к точкам устойчивого равновесия и формам культуры, ассоциируемым с надежным функционированием и устойчивостью, эволюционной ассимиляцией новаций. Рефлексия, напротив, «оживляет» общественный организм, регулярно выводя его из равновесия революционными идеями, методами. Не склонное к переменам обыденное сознание наиболее некомфортно чувствует себя в эпоху быстрых перемен. Однако именно оно придает смысл этим переменам, соединяя их с всеобщими, устойчивыми ценностями. Устойчивость обыденного сознания выступает как основа устойчивости социальности как таковой.

Адаптационная функция обыденного сознания проявляется в том, что оно в снятом виде сохраняет в себе все исторически возникшие формы, коль скоро они позволяют встраиваться в любые изменения общественного бытия. Наиболее долго и эффективно функцию адаптации к изменяющимся условиям выполняют мифологическая и религиозная формы общественного сознания. Адаптационная функция является одновременно процессом

селекции жизнеспособных концепций, ценностей, технологий. Интересно отметить, что содержание этой стратегии может претерпевать значительные трансформации, вплоть до противоречивости.

Диалектическая и коммуникативная функции обыденной стратегии в противоположность рефлексии, которая на определенном этапе в принципе не нуждается в Другом, обнаруживаются в приоритете интересов целого, органического единства и в конечном итоге превращают вступающего в диалог индивида в социальное существо. Через ту же форму диалогового общения человек возвращает себя в состояние психического равновесия. Эта функция укоренена и в междисциплинарном дискурсе. Учет диалектической функции обыденной стратегии сознания позволяет сделать вывод о том, что любое усиление вертикальной власти должно уравновешиваться усилением открытости, т.е. прозрачности и доступности критике.

В параграфе 2.3 «Особенности формирования обыденного сознания в современную эпоху» отмечается, что в связи с возрастанием динамики и глобализацией общественных процессов, чем более особый статус приобретает самоидентификация в атомаризирующемся социуме, тем меньшее для человека значение имеет идентификация обыденного сознания с традиционными стереотипами и социальными группами. При этом традиционные этические ценности оказались вполне стабильными даже тогда, когда конформизм оказывался эффективным, что не привело к возникновению типа личности с плавающей шкалой ценностей.

Автор намечает контур нового образа обыденного сознания в преломлении через призму техногенной цивилизации и ее достижений в создании новых смыслов повседневности, обретающих плоть в искусственных средах, создаваемых новейшими технологиями и виртуальной реальностью киберпространства.

Социальные функции обыденного сознания находят свое отражение и в глобальном киберпространстве. Консервативная функция обыденной направленности сознания проявляет себя в закрытых исходных кодах программ, создании архивов исчезающих Web-страниц, различного рода рейтингов виртуальных игр. Стабилизирующая функция проявляется в механизме технологической эволюции операционных систем и другого программного софта, в том числе в создании таких отечественных сервисов, как «Одноклассники». Защитная функция обыденного сознания реализуется в системах информационной безопасности, службах технической поддержки, сайтах антивирусных программ, формах соглашения с конечными пользователями, системах идентификации регистраций, отсекающих сетевых роботов. Диалектическая функция проявляется в создании поисковых роботов таких служб, как HotBot, MSN, Rambler, Yahoo, Апорт, Mail.ru, Google, Яндекс, создании различного рода поисковых систем, подобных GoogleDesktop, объединяющих поиск в Интернете и компьютере пользователя, функциях системных администраторов и сетевых роботов, рассылающих поздравления, отслеживающих дни рождения пользователей.

Преимущественно коммуникативная функция обыденного сознания выражается в создании и функционировании социальных сетей, служб виртуального знакомства, интернет – пейджеров ICQ, Jimm mobail, Messenger, MailAgent, системы SkyLink. Адаптационная функция проявляется в создании новой мифологии компьютерных игр. Примером служит культовая игра Doom, по мотивам которой был снят одноимённый фильм. Стремление придать виртуальному статус реального обыденное сознание реализует в деятельности таких сайтов как RIAA.com Американской ассоциации звукозаписывающих лейблов, сайтов защиты авторского права, таких как copyright.ru, ipprolaw.com. copyrighter.ru, oborot.ru, patent-bureau.ru, в создании лицензионных информационных товаров, систем запрета копирования. Этико-морализаторская тенденция состоит в создании систем соглашения, содержащих этосы до регистрации пользователей блогов, виртуальных сообществ и форумов. Регулятивно-практическая тенденция заключается в формах реализации блоговых интерфейсов, предоставляющих всё новые возможности пользователям.

Обыденная стратегия реализует себя в формах запрета и ограничений, что выражается в отношении к виртуальному как к реальному. Автор отмечает, что проблема интеллектуальной собственности, имеющей виртуальную форму существования, в отличие от собственности имеющей физическую форму существования, состоит в том, что возможность бесконечного копирования и мгновенного распространения любой интеллектуальной собственности без ее полного отчуждения от владельца, является принципиально невозможной для собственности в физическом мире. Обыденная стратегия сознания состоит в создании искусственных ограничений, доводящих виртуальный продукт по свойствам до физического. Физическая единичность создается цифровыми методами защиты от копирования, временем использования программ ознакомительного типа. Время искусственно производится в цифровой среде для ограничения сроков пользования продуктами, а представление о пространстве воспроизводится в технологиях защиты от копирования (текст существует только на этом сайте-месте и не может существовать в другом без разрешения владельца).

В **Заключении** подведены итоги диссертации, сформулированы основные выводы, намечены перспективы дальнейшей разработки темы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

В изданиях перечня ВАК РФ:

1. *Путилин, А.И.* Социальные функции обыденного сознания // Социально-гуманитарное знание. - 2007. - № 12. - С.273 - 280. Библиогр.: с. 280. 0,4 п.л.
2. *Путилин, А.И.* Трансцендентальный реализм и обыденная направленность сознания // Философия права. №3 (28) - 2008. - №3 (28) - С.55-57 - Библиогр.: с.57. 0,2 п.л.

В других изданиях:

3. *Путилин, А.И.* Трансцендентальный реализм и обыденная направленность сознания в Критике чистого разума И. Канта // Социономикон: сб. науч. работ. — Р/Нд: Изд-во NB, 2008. - С. 332 - 336 . 0,3 п.л.
4. *Путилин, А.И.* Обыденное сознание и рефлексия // Социономикон: сб. науч. работ. — Р/Нд: Изд-во NB, 2008. - С. 173-175. 0,3 п.л.

Тип.ТТИ ЮФУ Заказ № 443 тир. 120экз.

